

Мурманской железной дороги «для одновременной борьбы против двух, враждующих между собой, белых военных сил». При этом он указывал на необходимость тщательно избегать вторжения в пределы собственно Финляндии (с. 298). Солдатские восстания в белогвардейских частях, спешная эвакуация командования Северного фронта и правительства Северной области в Норвегию и отступление остатков войск (377 офицеров и 493 солдата) в Финляндию кардинально изменили ситуацию на Севере России и во взаимоотношениях Москвы и Хельсинки.

Заключительный раздел включает в себя документы, охватывающие период с марта по декабрь 1920 г. Они посвящены обсуждению советским руководством возможности и условий соглашения с Финляндией, раскрывают сделанные им предложения и, наконец, подробно характеризуют ход и результаты самих переговоров. Большой интерес представляют впервые опубликованные прото-

колы, докладные записки руководителя советской делегации Я.А. Берзина и ряда её членов, переписка, раскрывающая процесс выработки текста мирного договора между РСФСР и Финляндской республикой (он также помещён в сборнике), ратификационные документы. В заключительной части издания приведены комментарии, хроника событий, именной и географический указатели, списки архивных фондов, литературы и сокращений.

Следует отметить высокий уровень археографической обработки документов, которая позволяет читателю не только ознакомиться с результатами политических решений, но и проследить процесс их выработки, редактирования важных текстов. Это выполненное на высоком профессиональном уровне издание будет полезно как специалистам по российско-финляндским отношениям, так и широкому кругу читателей.

Сергей Войтиков

Новая книга о советской интеллигенции*

Sergey Voytikov

(Central state archive of Moscow city, Russia)

A new book about the Soviet intelligentsia

DOI:

Новая книга одного из крупнейших специалистов по политической истории русского крестьянства первой половины XX в. доктора исторических наук, профессора А.А. Курёнышева посвящена взаимоотношениям власти и научной элиты сельскохозяйственной интеллигенции СССР, пытавшейся в той или иной мере влиять на руководство страны. Исследование опирается на широкий круг опубликованных и архивных источников, его основу составили документы ГА РФ, РГАСПИ, РГАЭ, ОПИ ГИМ, Вологодского областного архива новейшей политической истории и Архива Управления ФСБ России по Вологодской обл.

В советской историографии реальность существования Трудовой крестьянской партии (ТКП) не подвергалась сомнению, тогда

как зарубежные и постсоветские исследователи по большей части столь же безапелляционно утверждали, что она — всего лишь плод воспалённого воображения сталинских спецслужб. Следствие по делу ТКП проводилось в ряде крупных городов РСФСР и продолжалось после осуждения основной группы его фигурантов. Так, например, в принадлежности к ТКП и даже в руководстве ею обвинялся позднее Н.И. Вавилов (с. 39). Всего по делу ТКП на периферии в начале 1930-х гг. арестовали 1 296 человек (с. 76). Степень обоснованности этих арестов до сих пор вызывает споры. По мнению Курёнышева, сам факт существования в СССР оппозиционных групп «отрицать трудно», однако открыты «вопросы об уровне их организованности, степени враждебности к со-

*

Курёнышев А.А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922—1950 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 238 с.

ветской власти, способах и методах реализации своих политических планов и, конечно, связях с заграничными центрами борьбы с большевиками». Между тем «в современной отечественной историографии господствует парадоксальный, на первый взгляд, постулат: раз репрессирован — значит ни в чём конкретно не виновен, а просто выражал недовольство советскими порядками или принадлежал к социально опасным для власти кругам... Данная концепция в чистом виде априори предполагала отсутствие реальной борьбы против режима. Сейчас... ряд исследователей стал допускать наличие отдельных актов “активизма” антисталинской оппозиции» (с. 74). Так, Курёнышев убедительно доказывает, что Трудовая крестьянская партия, действовавшая в эмиграции, в Праге, имела филиальные подразделения на территории Страны Советов (с. 53, 90). Однако органы государственной безопасности далеко не всегда обвиняли арестованных в том, чем они действительно занимались. К примеру, мосховца Д.И. Шаховского «допрашивали относительно кадетской контрреволюционной деятельности. Его работа в МОСХ также, очевидно, определялась в русле его бывлой партийной принадлежности. Ничего специфически мосховского ему в вину не вменялось, как, впрочем, и обвиняемым по делу ТКП» (с. 42, 43).

Основываясь на документах Архива Управления ФСБ России по Вологодской обл., Курёнышев раскрывает взгляды создателя и бессменного руководителя ТКП С.С. Маслова, который считал, что «крестьянская партия, участвуя в управлении Россией, должна охранять государственное единство страны, давая “полный простор развитию отдельных частей её”, вводить справедливые (прогрессивные) налоги, равномерно распределять их тяжесть между городом и селом». В сельском хозяйстве предполагалось «развивать земледелие, закрепив в собственности за каждым крестьянином находящуюся в его пользовании землю, содействовать развитию кооперации», в промышленности — «передать предприятия в частную собственность». При этом стране следовало «проводить миролюбивую политику, направленную на восстановление интересов и прав России». Как пишет Курёнышев, «конец 1920-х — начало 1930-х гг. были, по мнению Маслова, как раз тем самым кризисным периодом, когда возможно было подготовить и осуществить переворот», опираясь на «подпольную орга-

низацию, состоящую из “немногочисленных по составу партийных групп (не больше 3—7 человек), связанных между собой только через уполномоченных и их заместителей»» (с. 55, 56). Таким образом, ТКП напоминала даже не подпольную *партию*, а скорее организацию нечаевского толка.

Вместе с тем Курёнышев констатирует, что в «1938 г. в возможность захвата власти в СССР при помощи крестьянской партии или крестьянского союза не верил никто, включая С.С. Маслова и руководителей Советского Союза» (с. 44). Тем не менее видные представители сельскохозяйственной интеллигенции действительно образовывали неформальные объединения и контактировали, иногда весьма плотно, с деятелями правой оппозиции (с. 64, 70) и «право-левой» группировки в ВКП(б) (с. 68).

Близкий к мосховцам Н.Д. Кондратьев признавался на допросах в июле 1930 г.: «Сведения о крестьянско-кулацких волнениях в период с января месяца по апрель месяц с[его] г[ода] к нам поступали с мест и обычно концентрировались в МОСХ, который являлся центральным пунктом информации и связи с местами». Согласно этим показаниям, отдельные члены ТКП принимали участие в крестьянских волнениях и восстаниях, хотя это осуждалось руководством ТКП и было «делом личности, совести и ответственности» конкретных лиц (с. 39). По мнению Курёнышева, «демократическая оппозиция, в течение непродолжительного времени побывав у кормила власти, считала большевистскую диктатуру разновидностью самодержавия» и собиралась бороться с нею «по тому же сценарию, что и до 1917 г. с самодержавием» (с. 38).

Как отмечает автор монографии, «в судьбе... членов Трудовой крестьянской партии важную роль сыграли так называемые “проблемы развития генетики”, точнее говоря, борьба, развернувшаяся между представителями разных школ и направлений в биологии в 1930—1940-е гг.» (с. 89), поскольку к аресту Н.И. Вавилова и преследованию Н.В. Тимофеева-Ресовского «борьба с “классической генетикой” почти никакого отношения не имела» (с. 90).

Курёнышев критикует тотальное очернение «исследователями и публицистами» Лысенко и одностороннее превознесение ими Вавилова (с. 89). Работа «народного академика» имела определённые практические результаты, а теоретические построения сто-

ронников «классической генетики» не всегда были безупречны (с. 129). Причём «письма во власть» исправно направляли не только Лысенко со своими подчинёнными, но и Вавилов и его сторонники (с. 125, 126). Однако в создании «дела Вавилова» Лысенко сыграл едва ли не самую скромную роль (с. 85—86).

Так или иначе, Курёнышев далёк от тех, кто полагает, будто в СССР никакой науки не было вовсе, а в научно-исследовательских институтах лишь отрабатывали «заказ» партийного руководства. По его словам, «полный диктат одного, мичуринского, направления, монополия на истину в биологической науке Т.Д. Лысенко не существовали никогда» (с. 128, 129, 210).

С другой стороны, политика, конечно, властно вторгалась в дискуссии учёных: «Определённый зажим классической генетики, подавление инакомыслия в сельскохозяйственных науках в конце 1940—1950-х гг. были связаны с началом жестокого противоборства двух систем в ходе холодной войны, а не только с конкурентной борьбой двух школ, двух направлений в биологии» (с. 222). При рассмотрении конфликта Лысенко и Вавилова и событий, связанных с их противостоянием, у Курёнышева даже «складывается впечатление, что кто-то сильно “копал” под Андрея Александровича Жданова». Характерно, что «главным защитником Лысенко от нападок вейсманистов-морганистов выступил Г.М. Маленков» (с. 114). Более того, из монографии явно следует, что в 1948 г. августовская сессия ВАСХНИЛ представляла собой один из эпизодов внутрипартийной борьбы, развернувшейся в ВКП(б) в послевоенный период. В 1948 г. «никто из представителей проигравшей стороны (а ими были представители классической генетики, вейсманисты-менделисты) не был ни расстрелян, ни посажен в тюрьму или хотя бы подвергнут административной высылке» (с. 202). Но не была ли это своего рода разведка боем, предшествовавшая организации «Ленинградского дела»?

В целом же, по мнению А.А. Курёнышева, «послевоенная сталинская политика раз-

рыва и конфронтации с Западом имела для советских учёных как отрицательные, так и положительные стороны. Отрицательные очевидны: идеологические проработки, новая волна коммунистического мракобесия, сравнимая лишь с большевистской дикостью 1920-х гг. Но одновременно СССР утратил широкий доступ к западным технологиям, потерял возможность использовать западных профессионалов, и практическая необходимость вынудила сталинский режим бережно относиться к имеющимся в СССР немногочисленным ценным специалистам. Бросается в глаза, что после войны против учёных и вообще квалифицированных интеллектуалов почти не применяется такая обычная для 1920—1930-х гг. воспитательная мера, как концлагерь и расстрел. Даже к ссылке приговаривают лишь в крайнем случае, многих выживших советских интеллектуалов советская власть в то время начинает беречь. Так у т. Сталина возникает нехарактерная для него травоядная идея судов чести для советских научных работников» (с. 123). В свою очередь и латентную оппозицию 1930-х гг. после Великой Отечественной войны постепенно сменили неформальные объединения учёных, боровшихся за возможность реализации на практике своих идей, но безоговорочно признававших «обязывающие постановления» ЦК ВКП(б) (с. 145).

В книге встречаются отдельные огрехи, которые следовало бы исправить редактору. Так, М.И. Калинин назван председателем «ВЦИК СССР», а не ЦИК СССР (с. 61). Излагая события 1918—1930-х гг., точнее было бы говорить о «РКП(б)—ВКП(б)», а не «ВКП(б)». Вместо «контрреволюционной» по ошибке напечатано — «контрразведывательной вредительской работы» (с. 82) и т.п. Кроме того, в книге явно не хватает списка сокращений. Но, разумеется, эти неточности не снижают ценности новаторской монографии, которая будет полезна специалистам по советской политической и социальной истории и всем интересующимся судьбой нашей страны.